

Философ и поэт – одно и то же

Антон Куликов, кандидат философских наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), anton.kuliko@yandex.ru

В статье излагается авторское понимание соотношения философии и поэзии. Философия не только зарождалась как поэзия досократиков, но и никогда не могла перестать быть поэзией. Настоящий мыслитель и настоящий поэт – это в конечном счете одно и то же, настаивали в прошлом веке такие классики, как М. Хайдеггер или С. Булгаков. Для решения философских задач недостаточно логически выстроенной спекуляции, недостаточно средств объективирующего дискурсивного мышления. Нельзя понять тайну зла и невинных страданий, если отгородиться от них некой теорией зла и рациональным объяснением страданий. Невозможно говорить о тайне красоты или человеческой личности, если вместо них иметь дело только с понятием о личности или с красотой как с предметом знания, обозреваемым исследователем со стороны. Понять эти тайны можно только в живом участии в них: их нужно испытать и пережить, а не опредметить, не аналитически расчленить как «простую гамму». Поэтому философия и прибегает к особому, не объективирующему, модусу речи – к речи поэтической. Поэзия не монолог автора, она событийна в двойном смысле слова: в словах поэта как в живом разговоре выговаривает себя и само бытие. Природа, красота или страдание не предстают поэту как предмет изучения и не удваиваются в его представлениях о них, но сбываются с ним, говорят за себя в его словах. Слово поэта не дает истинное описание мира, но мир, который и сам, по существу, есть слово, в поэзии сбывается как истинный, как слово непотаенное. Обрести это слово и дать ему звучать вместе с человеческим – дело философии, которая тогда и оказывается поэзией, когда не моделирует мир, но призывает его к диалогу как бытию в несокрытости.

Ключевые слова: философия, поэзия, слово, объективирующее и не объективирующее мышление, непотаенность, тайна

Для цитирования: Куликов А.К. Философ и поэт – одно и то же // Метаморфозис. 2025. Т. 9. № 3. С. 54-66.

Дата поступления: 10.02.2025.

Введение: поэзия как не объективирующее познание

Философия появилась как поэзия: хотя их неразрывное единство у до-сократиков было неслиянным у Платона, но и он напрасно силился изгнать поэтов из своего идеального полиса (что означало – изгнать поэта из самого себя), и самые глубокие тайны, выговаривающие себя в его произведениях, всякий раз требовали не отвлеченной, но поэтически изваянной мысли. Например, последнее основание всего сущего, его Правда, трансцендирующая все различия – вплоть до различия бытия и небытия – конечно, не может быть предметом знания. Сверхсущее единство истины, добра и красоты, платоновское Благо, Ἀγαθόν¹, постигается только в поэтическом неведении – в образе невыносимого для глаз человека Солнца. Его самого видеть нельзя, хотя лишь благодаря ему видно все остальное. Оно никогда не дается как объект, но везде присутствует в своей животворной энергии.

Мало что понимает в любви или в красоте тот, кто вместо их живой реальности имеет дело лишь со своим представлением о них, и вряд ли мы поверим тому, кто, рассуждая о смысле жизни или тайне смерти, предложит нам некую формулу этого смысла или теорию смерти. Размышлять о смерти, обессмысливающей жизнь – одно, умирать – другое: аргументы платоновского Сократа относительно бессмертия души были бы спекулятивным лепетом, если бы Сократ, говоря о жизни вечной, не умирал при этом сам². Вне трагической поэзии «Федона» его философское содержание лишается убедительности: понять Сократа в этом диалоге – значит понять, почему именно в те минуты, когда смерть физически овладевала этим человеком, он сознавал всю неправду ее власти над ним. Но для этого нужно стать – хоть на минуту – Сократом, войти в его поэзию. Ясно, что поэзия не зарифмованные строчки: Сократ или Диоген – поэты, хотя ничего не писали: «Поэты в жизни, ибо и жизнь есть поэзия»³, как говорил Обломов.

Философия без поэзии, философия как одна лишь логически выверенная спекуляция – это попытка автономно пользоваться своим рассудком, извлекая из него свой мир со своими законами, красотой, свободой и смыслом жизни. Этим своим миром мыслитель может издали любоваться, но им нельзя жить: место его – под стеклом в музее. Чтобы избежать такой участи, философия ищет способ дать возможность истине, свободе или красоте самим за себя говорить – через слова человека или вместе с ними, «между строк». Но как это возможно? Разве есть у них свои слова, а если и есть, как отличить их от слов только человеческих? Здесь философия и оказывает-

¹ Платон. Государство // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль. 1994. С. 291.

² Платон. Федон // Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: Изд-во Олега Абышко. 2007. С. 21.

³ Гончаров И.А. Обломов: Роман в четырех частях // Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Том 4. СПб.: Наука. 1998. С. 178.

Автор рисунка – Анастасия Сухарева⁴

своим, которое не только его силой и не только его волей обрело жизнь (припомним знаменитое «Что отчебучила моя Татьяна!»):

Она как скрипка на моем плече.
 Что знает скрипка о высоком пенье?
 Что я о ней? Что пламя о свече?
 И сам господь – что знает о творенье?

Действительно, и о самом «Поэте неба и земли» (а именно так Бога величает греческий оригинал Символа веры: ποιητὴν οὐρανοῦ καὶ γῆς) загадочно сказано: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт.: 1:31). Словно Бог не знал заранее, что у Него получится, и должен был сначала увидеть, чтобы убедиться, что «хорошо весьма». Видимо, по крайней мере, отчасти это так. Тайна превышающего всякое бытие Бога сопоставима с тайной тварного бытия – нового по отношению к Божественной полноте: такая новизна удастся только поэту. Это позволяет лучше понять, почему со времен Гераклита философы и поэты, как бы ни трактовали слово, λόγος, вновь и вновь приходили к выводу о том, что оно не просто

ся поэзией: поэзия никогда не монолог, а обращение к той реальности, которая больше всякого человеческого слова, но может выговорить себя в нем, поэзия – это не-автономия человека, совместная работа со Словом нечеловеческим. А.С. Пушкин выразил это коротко, назвав свой стих «молитвенным стихом». Вся история поэзии подчеркивает, что поэт творит не сам, вернее – не только сам: ему «нет закона», но и он не властен ни над вдохновением, ни над творением

⁴ Иллюстрация представляет читателю два одинаковых силуэта в разных образах: слева мы видим поэта с пером, справа – философа в греческой тоге со свитком в руке. Похожесть этих двух людей при различии присущих им ролей визуально воплощает ключевую идею статьи: единство философии и поэзии как способов постижения истины через слово и переживание. Фон – подобие театральной сцены с занавесом и светило в небе – символизирует единое мыслительное поле, в котором поэзия и философия существуют и вступают в диалог с миром.

описывает или объясняет мир, но составляет самую его основу и суть, позволяет ему сбыться, быть собой.

Слово бытия и слово человека

Такой, казалось бы, сторонящийся поэзии философ, как Р. Декарт, в письмах своих дополнял идеал *mathesis universalis* проектом *lingua universalis*⁵, передающего все основные структуры и законы мышления, но ведь эти законы, по благодати Бога, положены также в основу мироздания, так что универсальный язык (пусть понятый Декартом, как и грамматиками Пор-Рояля, чисто на интеллектуальном уровне) – это язык универсума. И даже такой противник языка и порождаемых им понятийных абстракций, как Дж. Беркли, отстаивая исключительную ценность ощущения, которое у него не просто наиболее точно передает бытие, но и тождественно бытию, последовательно приходил к выводу о том, что сами ощущения образуют своего рода язык, в котором только и возможна их живая связь между собой, а также живое общение человека и «творца природы». Особенно характерны в этом отношении берклианская теория пространства⁶ и теория зрения⁷. Вывод тот же: бытие есть живое единство слов «Поэта неба и земли».

А.Ф. Лосев прямо говорил, что решительно все есть слово⁸, ведь и самая простая, грубо материальная вещь, если только ее можно понять как такую-то и такую-то – а иначе мы не опознавали бы ее как вещь – обладает смыслом, является не просто куском материи, но осмысленной, и потому только понятной нам материей. Но ведь именно осмысленную материю (колебания воздуха или черточки на бумаге) мы в обиходе называем словом. Слово – как бы средоточие бытия, доведение до непотаенности, до ἀλήθεια того, чем все в мире и так является по существу, хотя в бессловесности это остается забытым, то есть ложным в том исходном смысле, в каком понимала ложность поэзия ранних греческих философов⁹. Поэзия не истинно говорит о мире, но позволяет ему быть истинным, позволяет, например, небу быть именно небом, а не синеватым двумерным изображением на сетчатке глаза («небо» как данность чувственного опыта) и не слоями ат-

⁵ Цит. по Кассирер Э. *Философия символических форм*. Т. 1. Язык. Пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Академический проект, 2011. С. 60-61.

⁶ Беркли Дж. *Опыт новой теории зрения* // Сочинения / Сост., общ. ред. и вступит. Статья И.С. Нарского. М.: Мысль, 1978. С. 56-57.

⁷ Беркли Дж. *Теория зрения, или зрительного языка* // Там же. С. 143, 190 и др.

⁸ См. Лосев А.Ф. *Философия имени*. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2016. С. 83-84, 89, 164 и др.

⁹ Об этом см., напр., Хайдеггер М. *Парменид / Parmenides*. Пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009. С. 60-62, 67-68; Лосев А.Ф. *Философия имени*. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2016. С. 73-74.

мосферы («небо» в смысле учебников). Небо Аустерлица, небо Обломовки, небо Мцыри, небо Канта – именно поэтическое слово доводит природу до полноты, до положенного ей совершенства, как бы подхватывая и завершая дело «Поэта неба и земли» по Его воле и замыслу.

Показательно, что в такой философии-поэзии, где человеческому слову уже нет веры и где самым звучным, искренним, целомудренным и живым делается молчание, там и весь мир как бы проваливается в бессловесную пустоту, страшную и нечеловеческую, возвращается в то забвение и ничто, из которого Поэт призвал его Своим словом, призвал откликнуться, вступить в бытие-диалог¹⁰. Таково, например, бесприютное и безответное небо А.П. Чехова – поэта молчания: «Когда долго, не отрывая глаз, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются в сознание одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одиноким, и всё то, что считал раньше близким и родным, становится бесконечно далеким и не имеющим цены. Звезды, глядящие с неба уже тысячи лет, сами непонятные небо и мгла, равнодушные к короткой жизни человека, когда остаешься с ними с глазу на глаз и стараешься постигнуть их смысл, гнетут душу своим молчанием; приходит на мысль то одиночество, которое ждет каждого из нас в могиле, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной»¹¹.

Поэзия – не голый человеческий вымысел (таково только графоманство, кощунство празднословия), но и не отражение «внешней» действительности, поэзия со-бытийна в двойном смысле этого слова: в поэтическом слове действительность сбывается с человеком в ее истине. Не «перед» человеком, будто внешний объект, и не «в» нем, как ментальное представление об этом объекте, но именно с ним, так что оба они – человек и действительность – становятся истинными как соучастники этого события. Возьмем поэзию «Тамани»: «Между тем луна начала одеваться тучами и на море поднялся туман; едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля; у берега сверкала пена валунов, ежеминутно грозящих его потопить»¹². Затем: «Я завернулся в бурку и сел у забора на камень, поглядывая вдаль; передо мной тянулось ночью бурей взволнованное море, и однообразный шум его, подобный ропоту засыпающего города, напомнил мне

¹⁰ Ср. Аверинцев С.С. Слово Божие и слово человеческое // Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. София-Логос Словарь. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 816.

¹¹ Чехов А.П. Степь (История одной поездки) // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 7. [Рассказы. Повести], 1888-1891. М.: Наука, 1977. С. 65-66. Ср. у А. Камю: «Сквозь тысячелетия восходит к нам первобытная враждебность мира. Он становится непостижимым, поскольку на протяжении веков мы понимали в нем лишь те фигуры и образы, которые сами же в него и вкладывали, а теперь у нас больше нет сил на эти ухищрения. Становясь самим собой, мир ускользает от нас» (Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат. 1990. С. 30).

¹² Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 2002. С. 265.

старые годы, перенес мои мысли на север, в нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаниями, я забылся...»¹³.

Природа здесь грозная и тихая, смутная или однообразная не сама по себе и не в воображении человека, но вместе с человеком: волны переносятся вместе с его мыслями, волнения морской глади неотделимы от волнений его памяти, небо и луна покрываются туманом вместе с его усталым умом. В поэзии это тот же самый туман, то же самое волнение: самость этого событийного тождества, его «то же самое» принадлежит поэзии, не некой отдельной объектной природе и не обособленному от нее человеку.

Таким образом, не желая измыслить очередную претендующую на истинность модель природы, которую непонятно как согласовать с самой природой, заведомо отличной от модели, а желая дать природе быть истинной с человеком в его слове, философия и является поэзией, пушкинским «молитвенным стихом».

Можно взять любой традиционно философский вопрос и убедиться в том, что вне поэзии он не только не может быть решен, но не может быть даже сформулирован, просто не имеет понятного и задевающего за живое смысла. Например, ясно, что рационально и спекулятивно неразрешима так называемая «проблема зла»¹⁴, однако спекулятивно – на уровне одних лишь понятий о зле, о страдании, о человеке и о Боге – она и не формулируема. О зле нельзя говорить или размышлять, с ним можно только бороться. Теодицея может быть только живой, не отвлеченной: зло истинно открывается нам (а не обозревается со стороны как предмет или неприятная картинка) только в принятии нашей вины за зло, что возможно лишь в любви к людям. Зло, в котором мы не ощущаем себя виновными, из-за недостатка любви, считая, что виновны в нем не мы, а «другие» или «никто», неведомо нам как зло. А искренне принимать вину – значит принимать и последствия: это поступок поэта. Не приходится удивляться, что при переводе проповедей Христа на арамейский, на котором они и звучали когда-то, получался ритмизированный, почти размеренный стопами текст с обилием аллитераций¹⁵.

Говорить же о тайне красоты, о тайне свободы, о тайне любви, в которой все они берут свое живое начало, кажется кощунственным даже для поэта. Даже поэту-философу – например, А. Шопенгауэру или В.С. Соловьеву – не следовало говорить о любви, как о некоем предмете, можно только

¹³ *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени // Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. М.: Воскресенье. 2002. С. 267.

¹⁴ См., напр., *Франк С.Л.* Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Сочинения. М.: Правда. 1990. С. 531; *Марсель Г.* Очерк феноменологии обладания // Быть и иметь. Новочеркасск: САГУНА. 1994. С. 150 и др.

¹⁵ Об этом см. *Аверинцев С.С.* Слово Божие и слово человеческое // Собрание сочинений / под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. София-Логос Словарь. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 825.

надеяться быть тем, в ком поэтически заговорит она сама. Простые слова «я тебя люблю», пережитые и сказанные искренне и серьезно – это всегда поэзия, более того, это «молитвенный стих». Любящий отлично знает, что дерзает сказать то, что выше его понимания и ему неподконтрольно, что сбывается с ним не благодаря лишь ему самому, не заслужено им и не им открыто. А потому – осознанно или нет – он всегда в этих словах обращается не только к любимому человеку, но и к «Поэту неба и земли».

Сказанное не означает, что философии стоило бы совсем отказаться от логически связной аргументации и дискурсивных размышлений. Но размышления о человеке, о страдании или о любви невозможны без живого обращения к человеку¹⁶. Объективирующий модус речи – размышление о человеке в третьем лице – это забвение человека, ведь в третьем лице говорят лишь об отсутствующем. Это все то же падение в забвение как неистинность и бессловесность: человека забывают в той или иной объективации человека – в его предметно познаваемом организме, моральном или социальном статусе и т.д.

Вспомнить человека, помянуть его – значит, как подсказывает нам устройство этого слова, обратиться к нему по имени, то есть лично, а значит – в любви. Иначе человек пропадает в Лете безответности, в ничто. Но интересно, что «я тебя люблю», по замечанию Г. Марселя, в действительности означает «ты не умрешь»¹⁷. Организм прекратит свою жизнедеятельность, но жизнедеятельность человеческого организма и та жизнь человека, твоя жизнь, которой и я живу, радуясь твоею радостью и плача твоею слезой – совсем не одно и то же. Не к организму я обращаюсь на «ты». Твоя жизнь реальна, пока реальна любовь. Более того, в любви я узнаю тебя не как предмет обыденного или научного опыта, но как неисчерпаемую и неопределимую тайну личности – тайну не менее глубокую и значительную, чем гамлетовская тайна смерти. Слово любви – это ἀλήθεια человека, истина как спасение из Леты (Λήθη), как память о тебе, которая сильнее смерти. Еще в древнем мифе об Орфее и Эвридике была прочувствована эта мощь поэтического слова и невыполнимая для человеческих, только человеческих сил задача удержаться на его высоте:

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Конечно, для поэта это вопрос, а не утверждение: незнание ответа на него есть живое знание любви, целомудренное неведение участника ее тай-

¹⁶ См., напр., Бубер М. Проблема человека // Два образа веры. М.: Республика. 1995. С. 232.

¹⁷ Марсель Г. Метафизический дневник (1928-1933) // Быть и иметь. Новочеркасск: САГУ-НА. 1994. С. 81.

ны, который, не получая ответа, все же знает сердцем, что не зря говорит «ты» рано умершей возлюбленной. Без этого поэтически мудрого неведения, без присутствия человека (тебя) беспомощна «профессиональная» философия человека, философия любви и любая другая «философия родительного падежа», объективирующая свой предмет и тем самым ставящая себя вне его. Бессмысленно и кощунственно пытаться определить и разъяснить, что такое человек, что такое смерть или что такое любовь хотя бы потому, что они не есть что-то: предметный характер этого «что» сигнализирует о неверной постановке подобных вопросов. Но можно попробовать пережить и сопережить то, о чем нельзя говорить предметно, в третьем лице. Философия может дать нам соучаствовать этим тайнам, помочь открыться им, но в этом-то она и едина с поэзией.

Об этом писали много. Вспомним, к примеру, суждения Фр. Шлегеля о том, что философия и поэзия «связаны неразрывно, это древо, корни которого – философия, а прекрасный плод – поэзия. Поэзия без философии становится пустой и поверхностной, философия без поэзии остается бездейственной и становится варварской»¹⁸. М. Хайдеггер, обращаясь к досократикам, настаивал на том, что настоящее философское мышление – в поэзии¹⁹.

Трагедия творчества поэта и философа

Подлинный поэт и мыслитель – «в конечном смысле одно и то же»²⁰, отмечал С. Булгаков: един их взлет и едино их трагически неотвратимое, согласно Булгакову, падение. На этом стоит остановиться. Возьмем стихи О. Мандельштама:

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

Кто этот равный? Другой великий поэт? Но гениев «аршином общим не измерить». Нет, равный – это тот, без кого поэт перестает быть поэтом: это его читатель, тот, к кому он обращается. Поэт, который остается в одиночестве, который ничего не может или не решается сказать людям – это не

¹⁸ Шлегель Фр. История европейской литературы // Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. Т. 2. М.: Искусство. 1983. С. 40.

¹⁹ См. Хайдеггер М. Время и бытие. Пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 238, 273, 312, 330 и др.; Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Тракль. М.: Водолей, 2017. С. 17-18; Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 221-223 и др.

²⁰ Булгаков С. Трагедия философии (философия и догмат) // Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. М.: Наука. 1993. С. 314.

поэт. Дантесу не убить Пушкина, но его как поэта может убивать читатель, такой как мы. С опорой на пушкинское наследие А.А. Блок говорил, что на поэта возложены «три дела»: первое – оставить «заботы суетного света» ради открытия глубины и музыкальной гармонии мироздания, второе – облечь открытое в понятное человеку слово, третье – вернуться к людям и принести им эту драгоценность²¹. И тут происходит «столкновение поэта с чернью», из которого поэт, уверен Блок, не может выйти победителем.

Нет нужды говорить, как близко все это пути философа, описанному в «Государстве» Платона. Судьба поэта и философа едина в их трагедии. Добавим к этому, что «чернь», как особенно ясно отметил М.Ю. Лермонтов, не принимает поэта-философа отнюдь не только из-за агрессивного ленивого самодовольства (в духе «не выводи нас к свету из милой египетской тьмы»): нет, «жизнью измятые» люди имеют полное право спросить – почему мы должны тебе верить? «Какое дело нам, страдал ты или нет? // На что нам знать твои волненья?» Мало ли было до тебя ложных и истинных пророков, говоривших от имени вечных истин? Мало мы пытались довериться им?

Еще один, по видимости, далекий от поэзии мыслитель Л. Витгенштейн после окопов Первой мировой прочувствовал и, на свой манер, выразил все ту же трагедию: в XX веке философ не может больше говорить об истине, о справедливости, о прекрасном или о человеческом достоинстве, не чувствуя привкуса фальши на устах. Если ты не был там, ты не имеешь права говорить на подобные темы, а если был, то не сможешь, будешь молчать, как герой Э.М. Ремарка, вернувшийся ненадолго к матери с войны («На западном фронте без перемен»). Но мыслитель, которому «следует молчать», отказаться от слова, которому не с чем и незачем говорить, возвращается в пещеру, теряет себя. А если продолжит говорить – разделит судьбу Сократа или поэта у Лермонтова и Блока. Причем, сам будет знать, что этот суд «черни» над ним не лишен оснований.

Заключение

Таким образом, можно применить формулу халкидонского догмата, и сказать, что философия и поэзия соединены нераздельно (что перерастало у таких гигантов, как Платон или Лев Толстой, в долгий внутренний конфликт), неизменно (во времена Витгенштейна не меньше, чем во времена Гераклита) и неразлучно. Поэт силится разговорить мир, дать зазвучать тому слову, которым сам мир и все, что в нем, является: природа, человек, любовь как бы отвечают ему, вступают с ним в диалог, а тем самым – в непотаенность, в само бытие. Они реальны постольку, поскольку отвечают и пребывают в этом диалоге: «Слова поэта суть уже его дела». Но и поэт явля-

²¹ Блок А.А. О назначении поэта // Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6. Проза. 1918-1921. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 162-165.

ется поэтом лишь в той мере, в какой они откликаются ему. Если замолчит он, то замолчит и мир: неверие слову человеческому есть также неприятие Слова «Поэта неба и земли». А любовь к мудрости дает дерзновение говорить, надежду на то, что не по видимости, но на деле зазвучит в словах мыслителя и Слово нечеловеческое. Таково «безумие» любви: «безумие» того, кто все же возвращается в пещеру и говорит о том, о чем «следует молчать».

Литература

Аверинцев С.С. Слово Божие и слово человеческое // Собрание сочинений / под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. София-Логос Словарь. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 816-830.

Беркли Дж. Сочинения / Сост., общ. ред. и вступит. Статья И.С. Нарского. М.: Мысль, 1978.

Блок А.А. О назначении поэта // Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6. Проза. 1918-1921. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 160-168.

Бубер М. Проблема человека // Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 157-232.

Булгаков С. Собрание сочинений в двух томах. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. М.: Наука, 1993.

Гончаров И.А. Обломов: Роман в четырех частях // Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 4. СПб.: Наука, 1998.

Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М.: Политиздат, 1990.

Кассирер Э. Философия символических форм. Т. I. Язык / пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Академический проект, 2011.

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. М.: Воскресенье, 2002. С. 212-366.

Лосев А.Ф. Философия имени. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2016.

Марсель Г. Метафизический дневник (1928-1933) // Быть и иметь. Новочеркасск: САГУНА, 1994. С. 9-132.

Марсель Г. Очерк феноменологии обладания // Быть и иметь. Новочеркасск: САГУНА, 1994. С. 133-153.

Платон. Государство // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79-420.

Платон. Федон // Сочинения: В 4 т. Т. 2 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 11-96.

Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 183-559.

Хайдеггер М. Время и бытие/ пер. с нем. М.: Республика, 1993.

Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Тракль. М.: Водолей, 2017.

Хайдеггер М. Парменид / Parmenides / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009.

Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

Чехов А.П. Степь (История одной поездки) // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 7. [Рассказы. Повести], 1888-1891. М.: Наука, 1977. С. 13-104.

Шлегель Фр. История европейской литературы // Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. Т. 2. М.: Искусство. 1983. С. 35-101.

References

Averintsev, Sergey S. *Slovo Bozhie i slovo chelovecheskoe* [The Word of God and the word of man] Collected works, Kiev: DUKH I LITERA Publ., 2006. P. 816–830 (in Russian).

Berkeley, George. *Sochineniya* [Works]. Moscow: My`sl` Publ., 1978 (in Russian).

Blok, A.A. *O naznachenii poeta* [On the Appointment of Poet], in Blok A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works in Eight Volumes]. Vol. 6. Prose. 1918-1921. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1962. P. 160-168 (in Russian).

Buber M. Problema cheloveka [The Problem of Man], in: Buber M. *Dva obraza very* [Two Images of Faith]. Moscow: Respublika Publ., 1995. P. 157-232 (in Russian).

Bulgakov S. *Sobranie sochinenii: v 2 t. T. 1. Filosofiya khozyaistva. Tragediya filosofii* [Collected Works in Two Vols. Vol. 1. Philosophy of Economy. Tragedy of Philosophy]. Moscow: Nauka Publ., 1993 (in Russian).

Goncharov I.A. Oblomov: Roman v chetyrekh chastyakh [Oblomov: A Novel in Four Parts], in: Goncharov I.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 20 t.* [Complete Collection of Works and Letters in Twenty Volumes]. Vol. 4. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1998 (in Russian).

Camus A. *Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika. Iskustvo* [The Rebel. Philosophy. Politics. Art], trans. from French. Moscow: Politizdat Publ., 1990 (in Russian).

Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 1. Yazyk* [The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 1. Language], trans. from German by S.A. Romashko. Moscow: Akademicheskii proekt, 2011 (in Russian).

Lermontov M.Yu. Geroi nashego vremeni [A Hero of Our Time], in: Lermontov M.Yu. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [Complete Collection of Works in 10 Volumes]. Vol. 6. Moscow: Voskresen'e Publ., 2002. P. 212-366 (in Russian).

Losev A.F. *Filosofiya imeni* [The Philosophy of the Name]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2016 (in Russian).

Marcel G. *Metafizicheskiy dnevnik (1928-1933)* [Metaphysical Diary (1928-1933)], in: Marcel G. *Byt' i imet'* [Being and Having]. Novocherkassk: SAGUNA Publ., 1994. P. 9-132 (in Russian).

Marcel G. *Oчерк феноменологии обладания* [Sketch of a Phenomenology of Possession], in: Marcel G. *Byt' i imet'* [Being and Having]. Novocherkassk: SAGUNA Publ., 1994. P. 133-153 (in Russian).

Plato. *Gosudarstvo* [The Republic], in: Plato. *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Collected Works in 4 vols.]. Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1994. P. 79-420 (in Russian).

Plato. *Fedon* [Phaedo], in: Plato. *Sochineniya v 4 t.* [Works in Four Volumes]. Vol. 2, ed. by A.F. Losev, V.F. Asmus, trans. from Ancient Greek. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta: Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2007. P. 11-96 (in Russian).

Frank S.L. *Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii* [The Unknowable. An Ontological Introduction to the Philosophy of Religion], in: Frank. S.L. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda Publ., 1990. P. 183-559 (in Russian).

Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being], trans. from German. Moscow: Respublika Publ., 1993 (in Russian).

Heidegger M. *O poetakh i poezii: Gel'derlin. Ril'ke. Trakl'* [On Poets and Poetry: Hölderlin. Rilke. Trakl']. Moscow: Vodolei Publ., 2017 (in Russian).

Heidegger M. *Parmenid* [Parmenides], trans. from German by A.P. Shurbelev. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2009 (in Russian).

Heidegger M. *Chto zovetsya myshleniem?* [What Is Called Thinking?]. Moscow: Izdatel'skii dom "Territoriya budushchego" Publ., 2006 (in Russian).

Chekhov A.P. *Step' (Istoriya odnoi poezdki)* [The Steppe (The Story of a Journey)], in: Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete Collection of Works and Letters: In 30 vols.]. Vol. 7. Moscow: Nauka Publ., 1977. P. 13-104 (in Russian).

Schlegel Fr. *Istoriya evropeiskoi literatury* [History of European Literature], in: Schlegel Fr. *Estetika. Filosofiya. Kritika: v 2 t.* [Aesthetics. Philosophy. Criticism: In 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: Iskusstvo Publ., 1983. P. 35-101 (in Russian).

Philosopher and Poet are One and the Same

Anton Kulikov , PhD in Philosophy, Senior Teacher, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), anton.kuliko@yandex.ru

The article presents the author's understanding of the relationship between philosophy and poetry. Philosophy not only originated as the poetry of the pre-Socratics, but it could never cease to be poetry. A true thinker and a true poet are ultimately the same thing, such classics as M. Heidegger or S. Bulgakov insisted in the last century. Logical speculation is not enough to solve philosophical problems, and there are not enough means of objectifying discursive thinking. It is impossible to understand the mystery of evil and innocent suffering if we isolate ourselves from them by some theory of evil and a rational explanation of suffering. It is impossible to talk about the mystery of beauty or the human personality if instead we deal only with the concept of personality or beauty as a subject of knowledge, viewed by the researcher from the outside. These mysteries can be understood only through living participation in them: they need to be experienced and experienced, and not objectified, not analytically dissected as a “simple scale”. That is why philosophy resorts to a special, non-objectifying mode of speech – poetic speech. Poetry is not a monologue of the author, it is eventful in a double sense of the word: in the words of the poet, as in a live conversation, existence itself expresses itself. Nature, beauty or suffering do not stand before the poet as a subject of study and do not double in his ideas about them, but they come true with him, speak for themselves in his words. The poet's word does not give a true description of the world, but the world, which itself is essentially a word, comes true in poetry as a true, unsaid word. To find this word and make it sound together with the human word is a matter of philosophy, which then turns out to be poetry when it does not model the world, but calls it to dialogue as being uncovered.

Keywords: philosophy, poetry, word, objectifying and non-objectifying thinking, non-concealment, mystery

For citation: Kulikov A.K. (2025) Philosopher and Poet are One and the Same // *Metamorphosis*. Vol. 9. N. 3. P. 54-66.

Date of receipt: 10.02.2025.